

Алекс НОРК

**ТЫ
СТОРОЖ
БРАТУ
ТВОЕМУ**

Алекс Норк

Ты сторож брату твоему

«Автор»

2010

Норк А.

Ты сторож брату твоему / А. Норк — «Автор», 2010

Продвинувшаяся в глубокий космос человеческая цивилизация сталкивается там с другими – со стоящими на более низких уровнях научного и материального прогресса. Каждая из них со своей судьбой, не всегда позволяющей достичь очень многого. Развивающиеся и деградирующие цивилизации и проблема участия в их жизни, вставшая перед высокоразвитыми землянами, проблема помощи. Не таятся ли здесь большие и до времени неизвестные нам опасности? Расследование гибели землянина в дальнем космосе дает неожиданный ответ на этот вопрос.

Алекс Норк

Ты сторож брату твоему

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Кончился отпуск.

Еще вчера Гек купался в голубой океанской воде, плавал среди разноцветных коралловых кустов, спугивая стайки плоских, с человеческими мордочками, рыб. Вечером в последний раз наблюдал уходящий за водный горизонт темно-красный солнечный диск.

Теперь осталось лишь ощущение того теплого причудливого мира, в котором он жил четыре недели. Но уже неуверенное, уходящее ощущение. Очень скоро оно совсем исчезнет. Зато загар еще надолго останется – коричневый, с легким медным отливом. Красивый загар, необычный здесь, в северном полушарии, где уже осень прихватывает землю ночными морозцами. И люди в вагоне монорельса иногда не без зависти на него поглядывают.

Только вот хорошенькая блондинка у выхода не обращает внимания. «Это она нарочно равнодушие изображает, сейчас проверим».

– Девушка, – Гек подвинулся ближе, – вы сейчас выходите?

– Выхожу, – не поглядев в его сторону, ответила она.

– Ага, и я бы хотел вместе с вами, но не знаю, удобно ли? Я стеснительный очень...

Девушка не удостоила его ответом, зато стоявший рядом пожилой человек укоризненно повел очами.

– Понимаете, – тут же обратился к нему Гек, – копил целый год деньги на Океанию, загорал все дни напролет, чтоб потом хоть какой-нибудь девушке понравиться, и все напрасно, – он скорбно покачал головой.

– Я не какая-нибудь, – прорезалась вдруг девушка, выходя в открывшиеся двери.

– Извините, моя остановка, – крикнул Гек уже добродушно улыбнувшемуся незнакомцу и выскочил вслед.

Это действительно его остановка – справа гигантский комплекс Космоцентра, слева – их скромная контора, узкая башня в семнадцать этажей.

Он вприпрыжку догнал ускользнувшую блондинку.

– Девушка, мы же так ничего не решили, вам, что, действительно не нравятся загорелые мужчины?

– Мне действительно не нравится, когда ко мне пристают.

– Ну и крутая, – остановившись, обидчиво протянул Гек. – Посмотреть не хотят, кто не нравится-то, избаловались совсем!

Он повернулся и не спеша направился к себе.

Начинался рабочий день. К входу в здание ручейком шли люди. Вот сейчас он увидит знакомые лица, не надоевшие пока, узнает новости, а их в такой организации, как «Служба контроля за внеземными происшествиями» за месяц накапливается предостаточно.

Однако утро пошло по-иному. Не успел Гек с коллегами и двух слов сказать, и только рот открыл для первого привезенного анекдота, как позвонили из секретариата со срочным приглашением к начальнику отдела, и Гек отправился туда с недобрый ожиданием.

Как чувствовал – так и вышло.

Шеф после улыбок и комплиментов по поводу его загара быстро перевел разговор в деловое русло.

– Щекотливое у нас появилось дело, Гектор, кляузное и глупое, совсем не для такого работника, как вы, конечно, но некуда деваться.

– Что за дело?

– Сейчас расскажу, садитесь, дорогой, садитесь.

Гека совсем насторожила суетливая любезность начальника, и в глаза, каналья, не смотрит.

– Вкратце, такая история. Молодой, но уже довольно известный ученый космобиолог работал на планете... – шеф назвал индекс и номер. – Изучал там гуманоидную расу раннего технократического уровня. Условия, в целом, схожие с земными, поэтому для работы вне станции в качестве инфекционного предохранителя использовали только стандартный стерон. А как вам известно, определенный процент людей его не переносит – у одного на десять он вызывает шок со смертельным исходом. Такие люди проходят предварительный адаптивный курс, после которого могут пользоваться стероном, но только в строгой дозировке.

Гек кивнул, предлагая не задерживаться на этом хорошо известном ему обстоятельстве.

– Да, так вот, парень хватил лишку, видимо, случайно перед выходом со станции проглотил вторую таблетку.

– Грустно, нелепая смерть. Но причем тут мы?

– Притом, что от нас теперь требуют заключения, что это именно нелепая смерть и ничего больше, – шеф изобразил на лице кислейшую гримасу.

– Что, есть какие-то основания для подозрений?

– Практически нет, но жена погибшего считает несчастный случай не реальным. Заявляет, что ее муж был исключительно аккуратным человеком. Написала уже об этом во все инстанции.

– Ну, в горе люди плохо себя контролируют, – заметил Гек, – она там с ним была?

– Нет, здесь на Земле, с сыном и дочкой.

– А официальное сообщение о смерти с места? Справка М-4, как положено для внеземного базирования с численно малым составом? – Для таких малых групп предусмотрено индивидуальное донесение о случившемся от каждого члена коллектива. «Значит, есть что-то подозрительное от его коллег», – подумал Гек.

Шеф кивнул на лежавшую на краю стола служебную папку:

– Справка-то есть, но в ней тоже ничего особенного не содержится, вы позже подробно ознакомитесь. – И, уводя глаза в стороны, заговорил дальше: – Конечно, на основании одного заявления вдовы погибшего нам бы этого дела не всучили, но тут еще одна оказия. На орбиту той планеты, за две недели до несчастья, лег в дрейф возвращавшийся на Землю космолет. На его борту находился некто Тротт – товарищ Шацкого по университету. Кстати, имя погибшего – Артур Шацкий. Так вот, они встретились, Шацкий туда прилетал. Тротт утверждает, – шеф пододвинул папку, нашел нужную страницу и начал вычитывать: – «...такого-то числа на корабль нанес визит Артур Шацкий. Я хорошо знаю этого ученого по совместным годам обучения в Восточном университете. Его всегда отличала внутренняя собранность, умение владеть собой... и так далее... Он сообщил мне, что проведенные им исследования позволяют сделать принципиально новые выводы о ситуации в изучаемом биорегионе». И вот: «В поведении Шацкого ощущалась несвойственная ему нервозность. Судя по характеру его высказываний, у меня сложилось впечатление, что его мучили какие-то опасения».

– Это какие же именно опасения? – не выдержал Гек. – И по каким таким высказываниям судя?

– Здесь не написано, – шеф захлопнул папку, – но он тоже требует тщательного расследования.

– Ага, ну раз требует, то какой же разговор! – Гек еле удержался, чтоб не выругаться. – А может – всем отделом полетим?

«Тьфу, глупость! Что настоящих оснований для расследования нет, ясно и малому ребенку. Но эта с бегаящими глазами крыса и не пытается никогда возражать руководству. Легче подставить под дурацкое дело сотрудника, послать его к чертям на кулички».

– Где эта дыра? – спросил он, не стараясь скрывать эмоций.

Шеф набрал индекс, на электронной карте за спиной Гека стало шуршать и вспыхивать. Он повернул крутящееся кресло, и чувство досады охватило его еще сильнее – все это просто у черта на рогах, дальше некуда, конец космографии!

– Посоветуйте, что взять почитать в дорогу, – злобно глядя на начальника, проговорил он. – «Сагу о Форсайтах»? Она слишком короткая.

Шеф искусственно оскалился, изображая веселость:

– С вашими способностями, Гектор, вы сможете за месяц выучить какой-нибудь древний язык. А впрочем, на борту всегда есть Библия.

Гек вышел, не очень вежливо захлопнув за собой дверь. «Тебе бы ее почаще читать, трусливый карьерист! И до чего же здорово эта публика существует в современном обществе».

Он поднялся к себе в кабинет.

И некоторое время просто сидел в кресле, отдавшись слишком привычному в последнее время кругу мыслей.

Конечно, его собственная жизнь и работа складывались совсем неплохо. В «Службе внеземных происшествий» на должности старшего инспектора работали только люди с высокими социальными параметрами. Во-первых, это были дипломированные специалисты в хозяйственной или научной области, отбор шел через университеты. Потом нужно было получить в полном объеме образование криминалиста, пройти стажировку, работу простым инспектором – и все на отлично. По представлениям многих, тот уровень, которого он достиг в свои тридцать пять лет, вполне достаточен для всей человеческой жизни, но радости Гек не испытывал. И не в скептическом нетерпеливом его характере дело. Человек – существо общественное, и в Библии где-то сказано: «один – не спасешься». А тут куда ни посмотришь, приспособленчество и беспринципность. В высокоразвитом обществе, которое претендует на свой приоритет в целой Галактике, пытается воспитывать и направлять других. Если огромный процент людей в общественной элите существует по принципу – «такова жизнь, не я ее выдумал» – что можно требовать от прочих? А требовать необходимо, от себя и от остальных, иначе жизнь остановится и покатится вниз. И, честное слово, что-то в этом роде уже происходит!

Он просидел еще несколько минут, стараясь успокоиться и настроиться на рабочий лад. Потом пододвинул к себе папку.

Придется все внимательно прочесть, переговорить со вдовой и этим, как его, Троттом.

Гек набрал номер секретариата и попросил соединить его с ними по видексу, как только представится возможность.

Открыв папку, он сначала прочел список входящих туда документов.

I. Справка кадрового управления Центра космических исследований о составе группы базирования и характере ее деятельности.

II. Справка М-4.

III. Заявление Эллы Шацкой.

IV. Сообщение Ричарда Тротта.

Надо было начать с двух последних документов, чтобы подготовиться к разговору, который может начаться в любой момент.

Времени для этого понадобилось совсем немного, а новой информации он почти не получил.

Гек перешел к документу под номером один.

В справке сообщалось, что на планете работала группа «Содействия» из четырех человек. Кроме того, там трудились еще двое, из Управления биологических исследований космоса – Шацкий и его лаборантка.

«Группа «Содействия», это уже не так скучно», – подумал Гек.

Помощь иным цивилизациям была сравнительно недавним делом в истории Земли. Его собственный дед, почти легендарный теперь астронавт, руководил первой такой группой, и Гек в юности очень этим гордился. Сейчас таких групп очень много, и число их все продолжает расти. А ведь человечество, смешно сказать, когда-то боялось остаться одиноким, волновалось на этот счет.

Напрасно волновалось. Цивилизаций в космосе оказалось как червяков после дождя. Теперь даже пришлось ввести термин – «перспективные». «Группы содействия перспективным внеземным цивилизациям» – вот как это звучит в полном виде.

Перспективные и неперспективные виды живого в космосе... Эти понятия по сути стали ядром современной космобиологической науки. Вокруг них сконцентрировались главные проблемы: по каким законам развивается в космосе жизнь? Где у этого развития предел? Каково место Земли в системе живого? Все это прямо или косвенно преломлялось в понятии перспективной цивилизации и, в свою очередь, изменяло и обогащало его. Именно эта наука и была гражданской профессией Гека, началом его взрослой умственной жизни, немного забытой, но горячо любимой до сих пор.

Итак, там работала группа «Содействия».

Что ж, значит, Шацкий мог соприкасаться с самой случайной публикой. Прошли те времена, когда состав групп отбирался из людей с исключительно прочной профессиональной и общественной репутацией. Дело стало обыденным, пошло, что называется, на поток. «Ухнулось с горки», как печально говорил в последние свои годы дед.

Нет, может быть, и не ухнулось. Здесь есть и естественная объективная сторона. Группы эти не занимаются теперь чем-то сложным, в их деятельности в строгом смысле слова отсутствует творчество. До них там сначала работают отборные исследовательские коллективы, которые подробно изучают биологические, общественные, исторические особенности неизвестной ранее цивилизации. На основе этих изысканий путем многосторонних проработок в различных отделениях Космоцентра определяется программа помощи. Долговременная, рассчитанная на несколько поколений вперед. Отдаленное будущее прорисовано в ней в виде основных контурных линий, а работа на ближайшие годы обозначивается планом совершенно конкретных мероприятий, осуществлением которых и занимается группа «Содействия». Разумеется, в ее обязанности входит оперативный анализ происходящего, небольшие коррекции, но и только. Любое серьезное отклонение становится причиной экстренной связи с Землей. В ответ следуют инструкции, а при необходимости высылаются спецбригада.

Чем же конкретно они там занимались?

Профессиональный интерес вскоре прочно приковал внимание Гека к тексту.

Очень любопытно, согласно справке Космоцентра в системе той звезды на близких по орбитам планетах существовала не одна, а две различные гуманоидные цивилизации. Факт, по-видимому, исключительный, Гек раньше о таком не слышал. Одна из планет, та самая, стадии раннего технократического развития, перспективная. Другая, неперспективная, или, как еще их называют, «уходящая».

Конечно, не всякую цивилизацию можно сразу занести в ту или иную категорию. Здесь много тонкого. Однако в данном случае все было ясно.

Вторая цивилизация, как следовало из справки, была уже в общем не цивилизацией, а остатками когда-то высокоразвитой оригинальной культуры, развалившейся без видимых внешних причин.

Такие случаи были уже хорошо известны, но всегда волновали. Каждый космобиолог, столкнувшийся с этим впервые, в той или иной мере испытывал чувство личной внутренней драмы. Убожество потомков, копошащихся в руинах культуры, созданной некогда благородными и умными существами, всегда деморализовывало... Все-таки в основе человеческой психики лежит вера в вечное и разумное мироустройство, в то, что жизнь, хотя и не очень гладко, движется от плохого к хорошему, от низкого к высокому. Откуда у разума эта подспудная вера, никто не знает, но все, что он творит, выходит из нее. И если эту веру задеть, пошатнуть, кошмарная пустота открывается перед человеком, и мгновенное это чувство надолго ранит. Гек тоже испытал такое, когда в первый раз столкнулся с уходящей цивилизацией. Острота этого чувства потом не повторяется, зато тоскливые ощущения возникают вновь каждый раз.

Другое дело – перспективные цивилизации. Это всегда интересно. Хотя порой очень непросто с ними работать. Как с маленькими детьми, которые всегда способны что-нибудь выкинуть.

Зуммер и вспыхнувшая на экране эмблема секретариата прервали его мысли – связь с Эллой Шацкой была установлена.

Гек после небольшой паузы нажал клапан включения, прикидывая мысленно первую соболезнующую фразу.

На большом экране он увидел женщину лет тридцати. Худая сероглазая блондинка, длинный нос, заметно торчащие скулы. Некрасивое лицо.

Гек представился и, как положено, выразил официальное соболезнование от имени руководства «Службы».

– Позвольте и от себя лично выразить глубокое сочувствие вашему горю, – добавил он.

– Спасибо, – ответила женщина с такой неожиданно благодарной интонацией, что Гек почувствовал неловкость за свою формальную фразу.

Умные серые глаза... очень умные, и что-то женственное во всей ее некрасивости все-таки есть... и одновременно жалкое.

По-разному складываются отношения близких людей, для всех трагична и горька потеря, но и здесь тоже есть край. Гек ясно почувствовал – эта женщина задавлена горем. «Жизнь длиннее, чем надежда, и короче, чем любовь», – сказал один поэт. А иногда жизнь короче, чем горе, можно добавить. Похоже, тут этот самый случай. Трудно видеть такого человека и не уметь ему помочь.

– Хорошо, что у вас двое детей, – неожиданно для себя выпалил Гек.

– Да, – ответила женщина.

– Сколько им?

– Пять и три с половиной.

Она поняла наивную попытку помочь ей на что-то опереться и благодарно в ответ кивнула.

Нужно было переключать разговор.

– Элла, я прочел ваше заявление, и от того, насколько правильно я вас пойму, зависят первые, может быть, самые важные шаги следствия. Поэтому постарайтесь точно ответить на мои вопросы. Вы и сейчас считаете несчастный случай маловероятным событием?

– Я считаю его невероятным событием. – В ее ясных серых глазах не было и тени психической аффектации.

– Не допускаете, что, несмотря на аккуратность и пунктуальность, ваш муж мог ошибиться, находясь, ну скажем, в состоянии рабочего переутомления?

– Не допускаю, он никогда не позволял себе доходить до переутомления. Что может сделать уставший человек? Артур прекрасно организовывал свой труд. И дело не только в этом. Понимаете, есть вещи, которые присущи внутренней формации людей, четкость и аккуратность бывают врожденными.

- За время пребывания в космосе он отправлял вам какие-нибудь сообщения?
- Два раза с транзитными космолетами.
- Там было что-нибудь настораживающее?
- Не было.
- И тем не менее, вы исключаете несчастный случай?
- Совершенно исключая.

Наступила пауза.

– Видимо, через несколько дней я отправлюсь туда, – сказал Гек, – если в ближайшие дни захотите поговорить со мной, я к вашим услугам.

– Спасибо, – ответила она.

Чувства обманчивы, нельзя им безотчетно доверяться, но и игнорировать их тоже нельзя. Многолетний опыт Гека убедил его в том, что сухая рассудочность в делах человеческих так же опасна, как и бесконтрольная эмоциональность. И кто в конце концов знает, из какой работы мозга складываются те ощущения и предчувствия, которые так нередко выводят людей на правильный путь?

Фактов не прибавилось, но в ощущениях Гека, там, где недавно царили пустота и досада, появился маленький островок. Очень маленький. Он и сейчас считал, что на девяносто девять процентов гибель Шацкого – трагическое недоразумение... на девяносто девять...

Из окна его кабинета с высоты десятого этажа была хорошо видна широкая кленовая аллея. Осень уже тронула листья, добавив им желтые и красные тона. Было тихо, как бывает только в ясные, еще не очень холодные осенние дни.

Ну что же, в конце концов, месяц в космолете и столько же обратно для того, чтобы доказать, что в обществе высокого разума не совершилось зло, совсем небольшая потеря. К тому же любопытно взглянуть на эту новую цивилизацию, хоть ненадолго окунуться в прежнюю свою профессию, узнать людей, которые там работают, чью порядочность, кстати сказать, он очистит от подозрений.

А предварительное знакомство с ними нужно начать уже сейчас – вот она, справка Кадрового управления космического центра.

Под первым номером, как и следовало ожидать, значился начальник группы «Содействия», он же начальник станции, Евгений Борг.

«Возраст – сорок восемь лет... До этого работал начальником аналогичной группы... Добросовестный специалист, замечаний не имел...». Ничего примечательного, как и в облике – лысоватый невзрачный мужчина с маленькими бесцветными глазками.

Дальше шел Тин Гардман. На голограмме Гек увидел молодого парня, светло-рыжего, с пышной шевелюрой. Физиономия некрасивая, черты лица мясистые и, мягко говоря, неправильные, но ничего отталкивающего. На кокер-спаниеля похож. «Возраст – двадцать четыре года, закончил университет... это начало его трудовой деятельности».

Ну, не слишком престижная работа для специалиста такой квалификации. По сути дела рядовому сотруднику группы «Содействия» не требуется никакого университетского образования. Так, кто там дальше?

Ох, ты! На Гека смотрела шустрая блондиночка с большими серо-голубыми глазами. Симпатичная мордашка, но простоватая немного, непородистая. «Рита Штарк. Двадцать два года. После школы закончила курсы техников внеземных станций. Затем три года была младшим техническим сотрудником Космоцентра».

«Макс Гринев. Двадцать восемь лет, инженер, специалист по тепло-энергетическим системам звездолетов».

«Интересно, – подумал Гек, – как этого туда занесло? Сидеть бы ему на Земле в каком-нибудь проектно институте».

Лицо приятное, пожалуй, даже интересное. Брюнет, короткая стрижка подчеркивает высокий лоб, карие бархатные глаза, умные, с насмешливым оттенком. Красивый удлинённый овал лица... выразительный малый.

«До этого работал в экспедициях по обнаружению новых планет. Последняя экспедиция на Кси-15, имеет благодарность Космоцентра за проявленное мужество».

Кси-15... год назад это событие несколько дней держало в напряжённом внимании все человечество. Гек помнил эту историю в деталях.

Геологи дали ошибочное заключение о состоянии этой Кси. Халтура или случайность тому причиной – выясняется до сих пор. Планета находилась в стадии начинавшегося тектонического катаклизма, а несколько сотен колонистов, ничего не ведая, жили и трудились там на волоске от смерти. Когда хватились, было поздно – катастрофа стремительно надвигалась. Несколько космолетов в том регионе сместились с курсов и бросились на помощь. Один из них успел вовремя. Не для всех, впрочем. О посадке звездолета-гиганта на планету в чисто техническом смысле не было речи. Эвакуацию проводили малыми шлюпами, рассчитанными на два десятка человек. А катастрофа разгоралась – землетрясение, шквальные ураганы – каждая посадка за новой партией была смертельно опасной для самих спасателей. Судя по, всему этот Гринев принимал участие в спасательных полетах.

Тем более непонятно, почему он сейчас работает рядовым членом группы «Содействия». Ну ладно, это можно будет выяснить на месте.

А вот и сам Шацкий.

«Тридцать четыре года... Светлые, чуть желтоватые волосы, голубые глубоко сидящие глаза, нос тонкий прямой, лицо заметно суживается книзу. Видимо, среднего роста, тонкокостный. Что-то от праведника-аскета в нем есть...»

Гек долго всматривался в голограмму и так и не понял, какое впечатление производит на него это лицо – приятное или нет. Однако что-то незаурядное в облике этого человека бесспорно ощущалось.

Очень конкретная биография многообещающего ученого, уже весьма авторитетного в своей среде.

Последней значилась лаборантка Шацкого Ольга Валюженич.

«Двадцать три года. Перед работой на станции закончила шестимесячные курсы лаборантов Управления космобиологических исследований».

Это в двадцать три года? А до этого чем занималась? Ничего не сказано. Гек посмотрел на голограмму.

Хм... по-видимому такое лицо следовало бы назвать безукоризненно красивым. Темная шатенка, смуглая, большие почти черные глаза, очень изящные черты лица, но не мелкие, с сильным общим выражением.

На экране опять появилась эмблема секретариата.

«Профессор Тротт», – доложили ему.

Профессор даже! Судя по тому, что Тротт учился вместе с Шацким, он был не старше Гека. Гек поймал себя на ревнивой мысли, что и сам мог быть близок к этому званию, останься он в науке.

С виду профессор оказался небольшого формата брюнетиком, сильно облысевшим. Отсутствие растительности на голове он пытался возместить усами, сходящимися с небольшой бородкой клинышком, однако этот дизайн особенно глаз не радовал. К тому же на нем были архаичные для нынешних времен очки, из-за которых поблескивали небольшие умные глазки.

Гек невольно провел рукой по собственным плотным волосам и опять поймал себя – на этот раз на ощущении приятной разницы.

«Да не будь ты таким противным», – сказал он себе, здороваясь с Троттом.

– Мне поручено вести следствие в связи с гибелью вашего коллеги Шацкого, – начал Гек. – Честно говоря, сведения, которые вы нам сообщили, чересчур расплывчаты. Шацкий показался вам взволнованным – вот и все, что я пока сумел извлечь. Хотелось бы получить более существенную информацию.

– Видите ли, – немного помолчав, проговорил его собеседник тоненьким, каким-то козлиным голоском, – моя реакция от встречи с Шацким, как вы понимаете, совершенно субъективна, речь может идти только об ощущениях, а не о фактах.

– Ну почему же, – возразил Гек, – и о фактах тоже. Фактами являются все высказывания Шацкого в разговоре с вами. Попробуйте восстановить беседу. Теперь об ощущениях – попробуйте, насколько это сейчас возможно, установить момент их возникновения. Когда вы впервые почувствовали, что Шацкий не похож на себя? В связи с чем? Появлялось ли это ощущение потом снова, и если да, что служило тому причиной?.. Может быть, с ходу вам трудно отвечать? Тогда давайте поговорим часа через два-три.

– Нет, не трудно, – заговорил Тротт. – Я ведь уже пытался вспоминать. Все это очень меня волнует и порой мне кажется, что я преувеличиваю, но потом, возвращаясь памятью туда, чувствую одно и то же. Шацкий не только был взволнован, но и испуган.

Было видно, что Тротт и вправду сильно переживает случившееся.

– Но ведь поговорить нам практически и не дали, – подрагивающим голосом продолжал он. – Мы только всего несколько минут беседовали. Артур лишь начал рассказывать о себе, сказал, что, кажется, сделал маленькое открытие... да, так и сказал: «маленькое открытие». Тут подошел капитан, пригласил нас ужинать, разговор пошел общий, о Земле. Артур ведь должен был скоро вернуться. Я лишь спросил – чего именно касается его открытие. Он ответил – «исходных данных». Тут мы оказались в кают-компании. Народ в нашей экспедиции был общительный, веселый, все предыдущее растворилось в общем разговоре.

Гек слушал.

– Часа через полтора Артур улетел. Вот и все, – Тротт беспомощно развел руками. Из-за желания быть полезным и неспособности это сделать он совсем расстроился. Гек понял, что многого тут не выжмешь.

– А вы не задумывались, что Шацкий мог иметь в виду под словами «исходные данные»?

– Нет... то есть задумывался, конечно, но как-то ничего не приходит в голову.

Гек по соседнему аппарату вызвал дежурного информационно-оперативной службы и попросил немедленно разыскать всех спутников профессора по космолету. Вопрос один: о чем они говорили с Артуром Шацким в кают-компании?

– Постойте, – вдруг встрепенулся Тротт, – вы спрашивали о первом ощущении. Так вот, я вспомнил: оно появилось тогда, в самом начале нашего разговора. Я спросил, почему он не привез к нам в гости своих коллег? Он как-то странно и недоброжелательно ответил – «если их можно так назвать». Понимаете, Артур никогда ни с кем не ссорился, умел строить с людьми отношения, держал дистанцию, где нужно. На меня его слова произвели очень неожиданное впечатление, сейчас я ясно это вспоминаю.

* * *

«Исходные данные»... что все-таки это такое – просто слова, в которые Шацкий вкладывал свой собственный смысл, или профессиональный термин. Хорошо бы, если последнее.

Гек попросил связать его с кем-нибудь из консультантов в Управлении биологических исследований космоса. Почти тут же соединили.

Он взглянул на экран.

Ба-а, вот это встреча! На него смотрела та самая девица – утрешняя задавака.

– Здра-асьте! – поприветствовал ее Гек. – Быстро я вас нашел, правда?

Девушка сурово сдвинула брови.

– Мне сказали, что на связи следователь по особо важным делам, а вы тут причем?

– А я его младший помощник, или что-то вроде секретаря, – разудыбался Гек, – в общем, временно исполняю обязанности. У меня к вам всего два вопроса, если позволите.

– Слушаю.

– Что в вашей терминологии означают слова «исходные данные»?

Девушка на минуту задумалась.

– Эти слова не имеют отношения ни к официальным выражениям, ни к профессиональному сленгу, – наконец ответила она, – могу за это поручиться.

– Ясно, тогда позвольте второй вопрос.

– Пожалуйста.

– Что вы делаете сегодня вечером?

– Встречаюсь со своим женихом.

– Понятно, – уныло произнес Гек, – вот так, всегда опаздываю.

– Где же вы раньше были?

– Где был? В разных местах. Космос большой ужасно, везде люди, а потому и проказы всякие, ну и мотаешься как неприкаянный, – он горько вздохнул.

– Бедненький, вы бедненький, – сложив губы трубочкой, в унисон затянула она, – и никто-то вас после долгих приключений не ждет, никто не приласкает.

– В том-то и дело! – взвыл Гек. – А чем я хуже других?! Не горбатый, не рябой, верно ведь?

Девушка не выдержала и засмеялась.

– Слушайте, ну хотите, я познакомлю вас со своей подружкой? Очень хорошая девочка. Я вполне серьезно.

– Я давно заметил, что все подружки обязательно – «хорошие девочки». И никогда не мог понять, что это значит. Нет уж! Обвораживали серьезного мужчину в общественном транспорте – теперь, сударыня, извольте отвечать! Я, можно сказать, с тех пор ночей не спал.

– Каких ночей? – засмеялась девушка. – Артист вы, а не следователь.

– В нашем деле это тоже не лишнее.

Оба уже серьезно смотрели друг на друга.

– Желаю вам всего самого лучшего и в работе, и в жизни, – сказала она.

– Спасибо, – ответил Гек, – приятно было вас увидеть.

Ничего нового он так и не узнал. Ладно, на месте все выяснится, не в первый раз. Нагромождат всяких домыслов, ничего толком не сообщат на Землю, а потом все просто и естественно объясняется – несчастный случай, трагедия, вызванная самим человеком.

Гек полистал форму М-4.

Так оно и есть – отписка и больше ничего. Даже не указано, кто первым труп обнаружил, не говоря о прочих деталях.

Теперь «подружка». Пожалуй, это неплохая подсказка для проведения первого этапа расследования на месте. Почему бы не отработать, скажем, такой вариант. Он, Гек, университетский приятель Шацкого, и не только по университету, а вообще – друг в жизни, коллега по работе. Это позволит ему без всяких подозрений интересоваться деталями жизни и работы Артура на планете, особенно последними неделями и днями. Допустим, его, как такого же специалиста, прислали на замену погибшего, продолжать исследования. А он, пораженный случившимся, еще не вполне переживший внезапную гибель друга, часто спрашивает о нем, иногда невпопад сует во что-то нос... и ничего в этом нет неестественного. Конечно, необходимо все основательно подготовить. Узнать характер и вкусы Шацкого – придется изрядно побеспокоить Эллу. Биографию его выучить, эпизоды университетской жизни узнать – тут

малахольный Тротт поможет. Ну и актерские данные не должны подвести – сыграть все надо безукоризненно.

Если, работая таким образом, он установит несчастный случай, те люди даже не будут знать, что находились под подозрением. В ином варианте, им тем более до поры до времени не нужно знать, кто он такой.

Время незаметно подошло к обеду. Гек решил пройтись и еще раз все обдумать.

Снаружи было тепло, безветренно и тихо. Он шел по аллее, радуясь ярким переливам солнечного света в зеленых, желтых и красных листьях. Этот недолгий кусочек осени Гек всегда воспринимал очень остро, мог часами бродить по аллеям города и иногда проводил в таких занятиях весь свой выходной день. С годами он начал понимать свою ненасытную тягу к осенней красоте.

Все, что умирает, уходит, приближается к своему концу, обретает отталкивающие или жалкие черты, боится или тупеет. Только природа перед уходом в холод и мрак зимы окутывает мир мягким теплом всех своих красок – и нежных, и пронзительных, и тех, что были в начале жизни, и в ее расцвете и зрелости. Люди смотрят на прошлое, как на потерянное, верят не в него, а в будущее, не любят вспоминать свои промахи, прошедшие печали. В природе нет двойственности – она не предает и не отступает от самой себя, поэтому ее финал – это праздник, радость и гордость за прожитое. И если этот праздник понятен человеку и восхищает его душу, значит, и он живет по тем же законам и может прожить так, чтобы гордо и без печали встретить заход своего солнца.

Гек проболтался по улицам гораздо дольше, чем рассчитывал, почти не думая о делах. Поднимаясь к себе в кабинет, он слегка ругнул себя за это. Однако время не прошло даром. Как у него это нередко бывало, подсознание делало свою работу. Ничего нового в его представлениях по делу Шацкого не появилось, но вся поступившая информация, отлежавшись, выстроилась последовательно и ясно.

За какие-то полчаса он набросал проект проведения расследования, отредактировал текст и подготовил его для визирования у руководства.

* * *

Нет, как хотите, начальники – это особая порода людей. И произошли они не от того, от чего все люди, а скорее всего от лисицы. Кроме шуток. Вроде бы иному и цена во всех отношениях известна – и в профессиональном, и в человеческом. Вроде бы весь он тобой и прочими по косточкам разобран, и большинство этих косточек так, тьфу! И тем не менее, когда им это нужно, они оказываются хитрее, тоньше... черт знает как это сказать, ну в общем, сильнее вас.

Лишь только утром следующего дня Гек вошел в кабинет шефа, тот, не дав ему сделать от двери и двух шагов, уже пожимал его руку и, с ласковым лукавством глядя в глаза, мурлыкал:

– Вижу, вижу день не прошел зря. Для лучшего сотрудника отдела это не та работа, но, чувствую, появился интерес! А? Не ошибся?

Обняв Гека за талию и проводив к креслу, он неожиданно изменил тон.

– Будем откровенны, дорогой Гектор, вы на меня обижены. Не говорите ничего, так и должно быть! Если бы можно было этим помочь, я принес бы вам тысячу извинений. Но что поделаешь, наше старичье в дирекции просто панически боится обвинений в пренебрежении к сигналам от потерпевших. А Шацкий – известный ученый, его вдова, в случае чего, могла действовать через общественное мнение коллектива института, где он работал. – Шеф красиво вздохнул. – Руководство требует отрядить на это дело наиболее квалифицированного сотрудника. Ваше имя слишком хорошо известно в дирекции. Недавно там зачитывался весь ваш блестящий послужной список, когда решался вопрос о резерве руководящих кадров. Назови я

на отправку другого, кадровик тут же спросил бы, почему не вас? Вы же знаете этого зануду. Он только тем и занимается, что день-деньской читает личные дела сотрудников, наизусть всех знает.

Кое-что здесь было откровенным враньем. Конечно, почти никто из членов дирекции не имел о Геке никакого представления. С другой стороны, с кадровиком так и обстояло – этот тип всегда во все лезет.

Испытывая явное недоверие к словам начальника, Гек тем не менее уже начинал чувствовать неловкость за свою вчерашнюю горячность. В любом случае он сам должен вести себя корректно, а не демонстрировать вспыльчивый норов. В конце концов, начальство и без всяких объяснений может дать ему любое задание по профилю работы. Вот и получается, что шеф во всей этой истории вел себя как интеллигентный человек, а он, Гек, как невоспитанный мальчишка. Хотя и понятно, что этот резерв «руководящих кадров» и все такое прочее – ничего не значащие бумажки, но все же выходит, что о нем думают и заботятся, а он в ответ хамит пожилому человеку. И ведь не в первый раз он так садится в лужу!

В двойственных чувствах Гека стыд возобладали над остальными, и он начал мямлить извинения за свой вчерашний взвинченный тон, однако шеф остановил его мгновенным царственным жестом.

Дальше разговор переключился на план расследования. План понравился, но были деликатные моменты. Скрытое следствие и связанные с ним методы формально требовали специальной санкции руководства, причем с самого верхнего уровня, на что, как правило, шли очень неохотно. Однако шеф отменил сомнения – он этого добьется, ему не откажут! Гек не должен забивать себе голову такими проблемами – для него главное сейчас подготовка. С отлетом решили не тянуть, ближайший борт – через неделю.

Кончилось – дружелюбными разговорами и шутками о посторонних предметах.

* * *

Эти семь дней Гек провел в интенсивной работе, подбирая информацию по биографии Шацкого, его научной тематике. Занимался отработкой образа «друга», его психологическим обликом. В качестве окончательного варианта он выбрал для себя тип внутренне сосредоточенного, преданного своей профессии ученого, несколько оторванного от жизни, доброжелательного и чуть заторможенного человека.

В следующие дни Гек дважды встречался с Эллой. Сильное все-таки впечатление производила эта женщина. Ни у нее, ни у покойного Шацкого не было родственников. Она осталась совсем одна. Каждая фраза, произнесенная о муже в прошедшем времени, доставляла ей буквально физическую боль, но она справлялась, заставляла себя говорить, точно и подробно отвечая на все вопросы.

Умная и абсолютно убежденная, что отец ее двоих детей погиб не от несчастного случая. И очень симпатичные малыши.

– Как хорошо, что они еще такие маленькие, – сказала она, – я объяснила им, что папа будет в космосе долго, пока они не вырастут. Они погоревали минут пять и пошли играть.

– Да, хорошо, что маленькие, – согласился Гек и подумал о надежном будущем этих детей. В руках этой женщины они наверно вырастут честными, стойкими, и погибший отец тоже будет участвовать в этом. Мать сделает так, что память о нем осветит им те уголки жизни, где в потемках еще валяется сор.

* * *

В салоне рейсового лайнера Земля-Луна публика преимущественно состояла из людей, направлявшихся, как и Гек, в дальний космос.

Люди в соседних креслах, как водится, представлялись друг другу и вели нейтральные разговоры либо обсуждали набивший оскомину вопрос об использовании Луны в качестве базового космодрома для звездолетов дальнего следования. Говорили все, что Гек слышал вот уже двадцать лет: регулярные старты космолетов-гигантов с обратной стороны Луны формируют асимметрию в ее конфигурации, меняется орбита вращения вокруг Земли, со временем это может привести к непредсказуемым последствиям... Что это за слово такое глупое – «непредсказуемым»? Сказали бы просто – «не знаем, к каким»... Гек задремал.

Он всегда относился с сочувствием к людям, которые работают на Луне. По сути дела, теперешняя Луна – это индустриальные мастерские и, вместе с тем, гигантский вокзал. Люди здесь заняты либо монтажом и всяческой доводкой космических кораблей, либо их непосредственной подготовкой к старту и обслуживанием отбывающих и вернувшихся экспедиций. Все, что отправляется в космос и возвращается назад, проходит здесь нескончаемым потоком. Тысячи людей, несущих в себе самые разные впечатления и надежды, движутся рядом, а персонал Луны буднично трудится на своих местах. Ощущение проносящийся мимо жизни накладывает отпечаток на этих людей. Гек был в курсе исследований, установивших очень неблагоприятную тенденцию в социальном климате Луны. Одна часть персонала, отработав свой контрактный срок, грубо говоря, тотчас сбегала. У большинства из них к концу пребывания наблюдались невроты, мелкие психические расстройства. Другая часть прочно оседала на Луне. Ездили в отпуск на Землю и вновь возвращались. У этой группы четко обозначивалась потеря психического тонуса, нравственная и культурная упрощенность, цинизм. Постепенно накапливаясь, эта часть лунного контингента росла, угрожая со временем составить угрюмую, отсталую, замкнутую в себе среду. И, как ни парадоксально, именно они создавали условия для того, чтобы наиболее активная часть человечества устремлялась в дальний космос в постоянных поисках новых благ для земной цивилизации и ее младших братьев по разуму. Что-то было в этом нелогичное и несправедливое.

* * *

На борту звездолета разместились куча всякого научного люда, который по мере движения высаживался партиями по пунктам своего назначения. Наконец дошло и до Гека. Последнюю неделю полета он посвятил вхождению в образ. Уже через несколько дней Гек с удовольствием отметил, что люди из круга его общения стали обращать внимание на появившуюся в нем замедленность и рассеянность, вызванные, по их мнению, утомлением перелета. Были даже советы – обратиться к врачу.

Но вот наступил момент, когда Гека пригласили пройти на посадку в шлюп для доставки на планету Кири-1.

Почему Кири?

Кто это знает, кроме астронавтов, ее открывших. Согласно существующему порядку, первооткрывателям дается право на присвоение названий новым объектам, поэтому космос пестрит самыми неожиданными наименованиями. Вторая планета, с уходящей цивилизацией, называется Кири-2, но, в отличие от жителей Кири-1, именуемых кирийцами, население там прозывается нивсами. Нивс, а это на что похоже?

Меньше чем за час шлюп доставил Гека на планету. За это время он еще раз прокрутил в сознании все, что касалось его будущей работы и жизни здесь, и к моменту выхода окончательно превратился в утомленного перелетом, удрученного друга покойного Артура Шацкого.

Шлюп, доставлявший Гека, опустил на посадочную площадку. Гек взял в каждую руку по сумке с вещами и вышел через открывшуюся панель на бетонные плиты. Жара и духота сразу окатили его тяжелой липкой волной.

Из стоявшего неподалеку флайера вылез средних лет лысоватый мужчина и, вежливо улыбаясь, направился к нему.

– Рад приветствовать вас. Я начальник станции и руководитель группы «Содействия», Евгений Борг.

Гек представился и протянул направление.

Борг только кивнул головой:

– Да, да, это потом, а сейчас позвольте ваши вещи. Прошу, садитесь во флайер, отсюда до станции двадцать минут лета.

Летели действительно очень недолго. Внизу простирались болотистые заросли, густые и плотные. Солнце пекло, казалось, что даже термостатический панцирь кабины начнет плавиться от его лучей. Паршивая планета.

Зато та, с уходящей цивилизацией, если верить документам, жемчужина просто, сплошной курорт.

Станцию Гек увидел, только когда они прошли сквозь ее мощное защитное поле и приземлились на площадке метрах в пятидесяти от здания. Сооружение было типовое, составленное из двух соединенных проходом на уровне второго этажа стыкованных блоков: четырехэтажного административного здания и длинного двухэтажного бытового корпуса с жилыми помещениями на втором этаже, спортивным залом и бассейном на первом. Вход на станцию был один, через административный корпус, откуда из просторного холла две лестницы вели на вторые этажи каждого блока.

Они поднялись по лестнице к жилым помещениям и оказались в обычном гостиничном коридоре, по обе стороны которого располагались номера сотрудников. Под первым номером значилась табличка с именем Гринева, следующий предназначался Геку. Его соседом с другой стороны оказался Борг.

Номер был стандартный, вполне удобный. Сколько он их уже перевидал на своей работе? И этот, конечно же, не последний.

– Хотите отдохнуть или, пока есть время до ужина, показать вам наше хозяйство? – спросил Борг.

– Буду вам весьма признателен.

– Тогда, наверно, начнем с вашей лаборатории. Кстати, вы, по-видимому, знаете, какая трагедия произошла с вашим предшественником?

– И другом, – опустив голову, тихо сказал Гек.

– Простите, я не понял.

– Я сказал, и другом. Мы были с Артуром близкими друзьями, очень близкими. Когда мы там на Земле узнали... – Гек замолчал, сглотнул и, беспомощно махнув рукой, присел на краешек стула, ссутулившись, с потемневшим лицом.

– Ай-ай-ай, какое неприятное совпадение, – забормотал Борг, – я имею в виду, как все это ужасно. Позвольте мне выразить вам искреннее соболезнование.

Гек, как человек, которому трудно ответить, быстро и мелко закивал головой и отворотился.

Секунд через десять он резко с шумным выдохом встал и кивнул Боргу, давая понять, что уже с собой справился.

На втором этаже административного блока, над нижним холлом и всякими подсобками находились рабочие кабинеты сотрудников, столовая и просторный бар. Третий этаж занимала лаборатория Шацкого, теперь его, Гека, лаборатория. Через несколько минут они были там.

В живом, так сказать, виде Ольга Валуженич оказалась еще выразительней, чем на голограмме. Среднего роста, безукоризненно стройная. Глаза и волосы одного цвета, с темным шелковистым переливом. Природа будто задалась целью довести здесь все до совершенства.

Борг представил Гека.

– Вот, – грустно сказал он, – ваш новый начальник оказался близким другом покойного Шацкого. – На красивом лице девушки не отразилось ничего.

Гек бегло осмотрел помещение и кивнул в знак того, что можно следовать дальше. Для продолжения знакомства поднялись на следующий четвертый этаж, в технико-функциональный отдел станции.

В отличие от Ольги, Рита Штарк сразу произвела впечатление живого и дружелюбного существа. Улыбчивая спортивная девушка. Без всяких просьб начала разговор о своей работе и повела его сразу в панибратском тоне:

– Я здесь тружусь больше всех, за исключением начальника, конечно, – иронично взглянув в его сторону, заявила она, – всех впускаю и выпускаю, слежу за станцией, вся энергетика на мне. Одних только счетчиков сколько, ну куда вы смотрите, вот они. Вашу бы Ольгу сюда. Слушайте, поменяйте меня на нее! Я вам все буду делать, а? – она задиристо дернула Гека за рукав, вперив в него веселые серые глаза.

– Рита, наш гость не очень расположен к шуткам, – наставительно произнес Борг, – во-первых, он устал от перелета, во-вторых, они с Шацким были близкими друзьями... вы понимаете?

– А-а, – протянула девушка. Было видно, что она не знает, как именно следует реагировать на последнее сообщение.

– Вы сказали – впускаю и выпускаю. Я не очень это понял, – обратился к ней Гек.

– Ну, что тут непонятного... – начала было Рита.

– Имеется в виду, – перебил ее начальник станции, – защитное силовое поле, которое отключается на то короткое время, когда кому-нибудь из сотрудников нужно выйти за пределы территории или вернуться назад.

– Значит, это к вам я должен обращаться, когда мне нужно будет выходить.

– Нет, вот к нему надо обращаться, – она нагло ткнула пальцем в сторону начальника.

– По существующей инструкции, – пояснил тот, – выход со станции возможен только с моего разрешения. Мы, естественно, придерживаемся этого. Более того, я должен регистрировать в журнале каждый выход, а вот этот счетчик отмечает снятие поля. Цифры на счетчике и в журнале всегда должны совпадать. Но никакой проблемы у вас не будет, – поспешно заверил он, – вы вправе планировать свою деятельность вне станции, как сочтете нужным.

– Очень кстати! – воскликнула Рита. – Сейчас вы увидите, как я это делаю. Орлы прилетели.

Гек увидел на одном из экранов болтающийся в небе флайер.

Она взялась за небольшой красный рычажок и передвинула его вправо. Внутри приборной панели что-то задвигалось и заработало. Секунд через десять автомат произнес: «Объект находится в зоне». Рита перевела красный рычаг в обратное положение.

– Вот! Тонкая работа, – она подмигнула Геку, и он невольно улыбнулся.

– Ну, отлично, – произнес Борг, – вернулись Гардман и Гринев, с ними вы сможете познакомиться за ужином, он у нас через полчаса. А пока посмотрим остальные помещения.

Когда они вошли в уютную, в светлых тонах столовую, вся компания оказалась в сборе. Оба молодых человека подчеркнуто дружелюбно поздоровались с Гekom.

Сели за стол.

На станциях с малыми коллективами приготовление пищи считалось делом индивидуальным. Ольга и Рита готовили в виде, так сказать, личной инициативы.

За едой обсуждали меню завтрашнего дня. Гек, на какое-то время выпавший из общего внимания, сидел с отчужденным видом и слушал.

Ощущалась атмосфера привычного налаженного быта этих людей. Общий стиль поведения – шутливый и, на первый взгляд, дружелюбный. Рита больше всех смеется и болтает, задирает Тина и Макса, единственная, кто позволяет себе вольности по отношению к Боргу. Ольга гораздо сдержанней, говорит мало и очень конкретно, иногда улыбается. Улыбка делает ее похожей на девочку-подростка, выражение лица становится простым и неуверенным. Между Боргом и остальными явно просматривается дистанция, которая, судя по всему, выдерживается с обеих сторон. Гардман активно реагирует на слова девиц, стараясь быть остроумным по поводу и без повода, и ему это порой удается. Вообще троица Тин, Макс и Рита хорошо отлажена, один продолжает шутку другого, пускают по кругу симпатичные безобидные колкости.

– А нашему гостю что больше нравится? – неожиданно обратилась к нему Рита.

– Не понял, – Гек вздрогнул, как разбуженный человек.

– Ну, про второе блюдо на завтра?

– Вы знаете, – промямлил он, – я в общем-то равнодушно отношусь к еде.

– Ну, здорово! А еще говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. К вам тогда какой же путь?

– Рита, я прошу вас держать себя в рамках, – строго вмешался Борг.

– Ах да, извините, я забыла.

– Что забыла? – спросил Тин.

– Гек и Шацкий были близкими друзьями.

Воцарилось молчание.

Его прервал Гринев:

– Мы сочувствуем вашему горю. Вы долго дружили?

– С университетской скамьи. – Гек вытащил из внутреннего кармана фотографии. – Вот, захватил на память... Здесь мы на ступеньках у главного входа университета... Здесь – после первого курса...

– У, какой хорошенький, – не удержалась Рита, – это я про вас.

– Вот выпускная фотография. Тут мы втроем, справа старина Тротт.

– Который прилетал к нам на орбиту... незадолго? – спросил Макс.

– Да. Дружба все годы нас соединяла. – Глаза Гека увлажнились, он уставился в стол перед собой. – Всех людей жалко, – с трудом выговорил он, – но ведь Артур был не только крупным ученым, а и замечательным человеком. Старина Тротт до сих пор не пришел в себя. Провожая меня на космодром, он сказал: «Обоюдными силами мы с тобой, может быть, и сможем возместить науке ее потерю, но возместить такую человеческую утрату не сможем никогда». Я в первый раз видел, как он плачет.

Гек и сам уже говорил хрипловатым голосом, и вилка, которую он теребил в руках, несколько раз противно звякнула о тарелку.

«Что-то тут не заметно ответной реакции. Физиономии постные, но никаких попыток сказать теплое слово о покойном».

Гек горестно молчал.

– Да, все это очень грустно, – прервал затянувшуюся паузу Борг. – Мы с большим уважением относились к вашему другу.

«С уважением? Это вполне естественно. Шацкий был из категории людей, которых трудно не уважать. Но ведь есть и другие чувства, менее формальные – дружба, симпатия, наконец... Молчат коллеги Шацкого... если их можно так называть, как выразился сам покойный. Да, здесь нужно покопать, отношения, возможно, не были простыми».

По традиции после ужина публика направилась в соседнюю комнату пить чай. Кто хотел, мог принять и чего-нибудь покрепче, правилами это не возбранялось.

Борг предложил сесть за отдельный столик. Поговорили о Земле, Гек рассказал о последних новостях.

Зазвучала музыка – веселые ритмы – и компания двинулась танцевать.

– Это их время, – сообщил начальник станции, – я обычно ухожу, но вы, если хотите, оставайтесь.

Гек тоже решил идти. Выходя, он слегка коснулся боковой поверхности соседнего стола, к которой тут же прилип трехмиллиметровый кусочек прозрачной пленки.

«А девицы, кажется, хорошо танцуют», – подумал Гек. Он был неравнодушен к танцам.

В своем номере он прежде всего вынул небольшого размера кейс со стандартным следственно-техническим набором, достал оттуда светлый губчатый полусантиметровый шарик, сунул его в ухо и только после этого начал не торопясь разбирать вещи, раскладывать их по шкафам и ящикам. Зашел в санблок и аккуратно поставил на полочки крем, бритвенные и прочие принадлежности.

«Так, похоже, компания натанцевалась и вернулась за стол».

Пора бы душ принять, однако с модулем в ухе это не совсем удобно. Надежное средство, но, сколько он помнил, всегда немного искажает голоса.

– Ну, как вам наш новый товарищ? – «похоже, это спросил Гринев».

– Мне понравился, – «это Рита». – А тебе как новый начальник?

– Никак. Я со старым не ссорилась и с этим уживусь.

– Мне показалось, не от мира сего немножко, – «опять Гринев».

– Еще бы, такую глупость сморозить – невосполнимая утрата для человечества. Думаю, человечество как-нибудь перебьется. – «Новый голос, стало быть – Тин Гардман».

– Да будет тебе, старик! Так и не пойму, что вы не поделили?

– Мне с ним нечего было делить, но говорить о нем с большой буквы, значит чушь нести!

На какое-то время все замолчали.

«Хорошо сейчас будет спать завалиться, – подумал Гек. – Скорей бы они там закруглялись, что ли... Ага, кажется, уходят».

Он спрятал модуль в кейс и отправился в душ.

* * *

Гек отлично выспался.

Не изменяя своим многолетним привычкам, он сделал интенсивную тридцатиминутную зарядку, построенную на базовых элементах рукопашного боя, принял контрастный душ, побрился и отправился завтракать.

В отличие от обеда и ужина, каждый завтракал сам по себе. Начало рабочего дня планировалось индивидуально и зависело от наклонностей и дневной программы каждого сотрудника.

В столовую почти одновременно с ним вошел Тин Гардман. Из земных новостей Тина интересовали исключительно спортивные события. Гек рассказал что знал, хотя знал немного. Потом поинтересовался, давно ли Тин работает в службе содействия, где работал раньше?

Оказывается, нигде, социолог, год назад закончил университет.

Гек изобразил большое удивление – что же вынуждает работать не по специальности?

– Ничего не вынуждает. Я просто не думаю, что смогу сделать в науке что-то необыкновенное, а в мелочах копать неинтересно.

– Но в науке большая часть работы состоит из мелочей, это неизбежно, потом из них рождается нечто значительное, порой – большое открытие.

– Да, да, понимаю. Ну, значит, я к этому просто не приспособлен. Может быть, со временем изменится что-нибудь. Вернуться, я думаю, никогда не поздно.

Безмятежный малый, «никогда не поздно вернуться». Весь вопрос – откуда придется это делать.

Тин явно не торопился с завтраком, и вскоре Гек понял причину – появилась Ольга... Понятное дело, в такую девушку трудно не влюбиться.

В лаборатории он, не спеша, осмотрел оборудование, приборы. Все было в отличном состоянии. Вообще здесь чувствовался порядок и подчеркнутая аккуратность. Гек высказал свое искреннее удовлетворение таким состоянием дел. Ольга выслушала похвалу с непроницаемым видом, но он все-таки заметил, что это ей приятно. Молчаливое существо, отвечает да-нет. Что ж, не к спеху, время поговорить еще будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.